

Т.О. Маколей

Полное собрание сочинений

Том 4. Критические и исторические опыты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т.О. Маколей**
Полное собрание сочинений: Том 4. Критические и исторические опыты / Т.О. Маколей – М.: Книга по Требованию, 2024. – 433 с.

ISBN 978-5-518-06767-7

Издание Николая Тиблена

ISBN 978-5-518-06767-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЛОРДЪ КЛАЙВЪ.

(Январь, 1840).

«The Life of Robert Clive; collected from the Family Papers, communicated by the Earl of Powis». By Major-General Sir John Malcolm K. C. B. 3 vol. 8-vo. London. 1836.

«Жизнеописание Роберта Клайва. составленное по семейнымъ бумагамъ, сообщеннымъ графомъ Повисомъ». Соч. сэра Джона Малькольма, генералъ-маіора, командора ордена Бани. 3 тома. 8-во. Лондонъ. 1836.

Мы всегда находили страннымъ, что въ то время, какъ исторія испанскихъ владѣній въ Америкѣ подробно извѣстна всѣмъ народамъ Европы, великія дѣянія нашихъ соотечественниковъ на Востокѣ возбуждаютъ мало интереса даже между нами самими. Каждый школьникъ знаетъ, кто заточилъ Монтезуму и кто удавилъ Атагуальпу. Но мы сомнѣваемся, чтобы изъ десяти высоко образованныхъ англичанъ хоть одинъ могъ сказать, кто выигралъ сраженіе при Букарѣ, кто совершилъ рѣзню въ Патнѣ, царствовалъ ли Сураджа-Длаула въ Аудѣ или Траванкорѣ, былъ ли Холкаръ индусъ или мусульманинъ. А между тѣмъ побѣды Кортеса были одержаны надъ дикарями, которые не знали буквъ, не умѣли употреблять металловъ, не приучили ни одно животное къ труду, не имѣли инаго оружіемъ, кромѣ приготовленнаго изъ палокъ, камней и рыбныхъ костей, смотрѣли на всадника какъ на чудовище, вполонину человѣка и вполонину

звѣря, принимали людей, вооруженныхъ пищалями, за колдуновъ, умѣющихъ метать громъ и молвію небесъ. Населеніе же Индіи, когда мы его покорили, было вдесятеро многочисленнѣе американскаго, поработеннаго испанцами, и почти такъ же высоко образовано, какъ эти побѣдители. Оно построило города, обширнѣйшіе и прелестнѣйшіе, чѣмъ Сарагосса и Толедо, воздвигло зданія, прекраснѣйшія и богатѣйшія, чѣмъ кафедральный соборъ въ Севильѣ. Оно могло указать банкировъ, которые были богаче самыхъ богатыхъ фирмъ Барселоны и Кадикса, вице-королей, которые пышностью далеко превосходили Фердинанда Католика; могло выставить мириады кавалеріи и длинныя обозы артиллеріи, которые изумили бы Великаго Капитана (1). Можно бы было ожидать, что каждый англичанинъ, интересующійся какою-нибудь частью исторіи, полюбозпытствуетъ узнать, какъ горсть его соотечественниковъ, отдѣленныхъ отъ своей родины неизмѣримымъ океаномъ, покорила, въ теченіе немногихъ лѣтъ, одну изъ величайшихъ имперій въ мірѣ. Однако, если мы не ошибаемся, предметъ этотъ, для большинства читателей, нетолько лишенъ интереса, но положительно скученъ.

Можетъ быть, частью виноваты въ томъ историки. Книга м-ра Милля (2), хотя несомнѣнно обладаетъ большимъ и рѣдкимъ достоинствомъ, недостаточно оживлена и картинно изложена, чтобы привлекать читающихъ для развлеченія. Ормъ, неуступающій ни одному англійскому историку въ слогѣ и силѣ изображенія, подробенъ до того, что наводитъ скуку. Въ одномъ томѣ онъ посвящаетъ, среднимъ числомъ, событіямъ каждаго сорокавосьми часовъ сжато напечатанную страницу in-4° (3). Вслѣдствіе этого, его рассказъ, хотя онъ въ нашей литературѣ одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ по изложенію, никогда не пользовался большою популярностью и теперь едва ли кѣмъ-либо читается.

(1) ПИЗАРРО.

(2) «*History of British India*» by JAMES MILL.

(3) «*The History of the Military Transactions of the British Nation in Indostan.*»

. Мы боимся, что лежащiе предъ нами томы не сильно привлекутъ читателей, которыхъ оттолкнули отъ предмета Ормъ и Милль. Матерiалы, доставленные въ распоряженiе сэра Джона Маллькольма покойнымъ лордомъ Повисомъ, дѣйствительно, драгоценны. Но мы не можемъ сказать, чтобы они были весьма искусно обработаны. Однако, было бы несправедливо строго судить о сочиненiи, которое, еслибы смерть не воспрепятствовала автору дополнить его и пересмотрѣть, усовершенствовалось бы, вѣроятно, сжатiемъ содержанiя и лучшимъ распредѣленiемъ. Мы болѣе расположены къ исполненiю прiятнаго долга выразить нашу признательность благородному семейству, которому публика обязана столь полезными и любопытными свѣдѣнiями.

Производимое книгою впечатлѣнiе, — если мы даже въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примемъ въ соображенiе лицепрiятiе доставившихъ, а равно и обработавшихъ матерiалы, — вообще, сильно возвышаетъ характеръ лорда Клайва. Мы далеко не сочувствуемъ вполне сэру Джону Маллькольму, котораго любовь превосходитъ любовь биографовъ и который видитъ въ дѣйствiяхъ своего идола лишь мудрость и справедливость. Но мы, по крайней мѣрѣ, столько же далеки отъ согласiя со строгимъ сужденiемъ м-ра Милля, который, какъ мы думаемъ, выказалъ въ изображенiи Клайва менѣе прозорливости, чѣмъ въ какой-бы то ни было другой части своего прекраснаго сочиненiя. Клайвъ, подобно большей части людей, рожденныхъ съ сильными страстями и подвергавшихся сильнымъ искушенiямъ, виновенъ во многомъ. Но всякiй, кто броситъ нелицеприятный и просвѣщенный взглядъ на все его поприще, долженъ будетъ сознаться, что нашъ островъ, породившiй столько героевъ и государственныхъ людей, едвали когда-либо производилъ челоука, который болѣе Клайва былъ бы истинно великъ на войнѣ и въ совѣтѣ.

Съ XII столѣтiя Клайвы жили въ небольшомъ имѣнiи близъ Маркетъ-Дрейтона въ Шропширѣ. Въ царствованiе Георга I это скромное, но древнее наслѣдство находилось во владѣнiи Ричарда Клайва, который, какъ кажется, былъ челоуекъ простой и не одаренный ни большимъ тактомъ, ни способ-

ностями. Онъ сдѣлался юристомъ, дѣлилъ свое время между должностными занятіями и развлеченіями мелкаго помѣщика, женился на уроженкѣ Манчестера, по имени Гаскиллъ, и сталъ отцомъ многочисленнаго семейства. Старшій сынъ его, Робертъ, основатель британскаго владычества въ Индіи, родился, въ древнемъ имѣніи своихъ предковъ, 29 сентября 1725 года.

Нѣкоторыя черты характера человѣка рано проявились въ ребенкѣ. Сохранившіяся письма его родственниковъ, писанныя, когда ему было 7 лѣтъ, показываютъ, что уже въ этотъ ранній возрастъ твердая воля и пылкія страсти мальчика, поддерживаемыя врожденною смѣлостью, которая казалась иногда несообразною со здравымъ смысломъ, начинали сильно беспокоить его семейство. «Страсть къ дракамъ, которымъ онъ чрезъ-мѣру преданъ, говоритъ одинъ изъ его дядей, дѣлаетъ нравъ его столь необузданнымъ и повелительнымъ, что при каждомъ пустяшномъ случаѣ онъ не владѣетъ собою.» Старики окрестностей Маркетъ-Дрейтона до сихъ поръ помнятъ, изъ разсказовъ своихъ отцовъ, какъ Бобъ Клайвъ взлѣзъ на высокую колокольню и какъ жители съ ужасомъ увидѣли его сидящимъ на каменномъ водосточномъ желобѣ близъ ея вершины. Разсказываютъ также, какъ онъ образовалъ изъ всѣхъ лѣнтяевъ-мальчишекъ города родъ разбойничей шайки и принудилъ лавочниковъ платить ему подать яблоками и полупенсами, за обезпеченіе цѣлости ихъ оконъ. Его посылали изъ одной школы въ другую; но онъ дѣлалъ весьма мало успѣховъ въ наукахъ и вездѣ пріобрѣталъ репутацію нестерпимаго шалуна. Одинъ только изъ его наставниковъ имѣлъ, говорятъ, достаточно проницательности, чтобы предсказать, что этотъ лѣнтяй будетъ современемъ играть важную роль въ свѣтѣ. Общее же мнѣніе, какъ кажется, было, что бѣдный Робертъ дуракъ, если не отъявленный негодяй. Семейство Клайва не ожидало добра отъ такихъ плохихъ способностей и столь упрямаго нрава, и потому неудивительно, что когда Роберту минуло 17 лѣтъ, оно съ удовольствіемъ приняло для него мѣсто писца въ службѣ Остъ-Индской компаніи и отправило молодаго человѣка въ Мадрасъ составить карьеру или умереть отъ лихорадки.

Ожиданія Клайва были далеки отъ ожиданій тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ остъ-индское училище отправляетъ теперь ежегодно въ президентства англійскихъ владѣній въ Азіи. Компания была въ это время чисто торговою корпораціею. Ея владѣнія состояли изъ небольшого числа квадратныхъ миль, за которыя платилась ежегодная подать туземнымъ правительствамъ. Ея войска едвали были достаточны для защиты батарей трехъ или четырехъ плохо-построенныхъ фортовъ, имѣвшихъ назначеніе охранять складочные амбары. Туземцы, составлявшіе значительную часть этихъ малыхъ гарнизоновъ, еще не были приучены къ европейской дисциплинѣ и были вооружены частью мечами и щитами, частью луками и стрѣлами. Обязанности служащихъ въ компаніи не состояли, какъ теперь, въ управленіи судопроизводствомъ, финансами и дипломатическими сношеніями огромной страны, а только въ полученіи уплатъ, въ выдачѣ задатковъ ткачамъ, въ нагрузкѣ кораблей и, преимущественно, въ строгомъ наблюденіи за частными торговцами, которые посмѣли бы нарушить монополію компаніи. Младшіе конторщики получали столь ничтожное содержаніе, что почти не могли существовать, не дѣлая долговъ; старшіе обогащались, торгуя на собственный счетъ,—и тѣ, которымъ удавалось дожить до высшихъ должностей, часто накапливали значительныя богатства.

Мадрасъ, куда назначили Клайва, былъ въ то время едвали не самымъ значительнымъ поселеніемъ компаніи. Въ предшествовавшее столѣтіе былъ воздвигнутъ на безплодномъ берегу, о который яростно разбивались морскія волны, фортъ Ст. Джоржъ, и въ сосѣдствѣ его выросъ городъ, населенный тысячами туземцевъ,—выросъ, какъ города обыкновенно вырастаютъ на Востокѣ, съ быстротою тыквы пророка ⁽⁴⁾. Въ окрестностяхъ города появилось много бѣленькихъ виллъ, окруженныхъ садами, куда богатые агенты компаніи удалялись по окончаніи занятій въ конторахъ и магазинахъ, чтобы насладиться прохладой, которая, при закатѣ солнца, вѣетъ съ Бенгальскаго залива. Въ своихъ

(4) Иона, IV, 5—11.

привычкахъ эти меркантильные вельможи были, кажется, расточительнѣе, преданнѣе роскоши и чванливѣе наслѣдовавшихъ имъ чиновниковъ, занимавшихъ высокія судебныя и политическія должности. Но комфорта они некали гораздо менѣе. Многія средства, служащія въ настоящее время европейцамъ къ огражденію себя отъ зноя этого климата, къ сохраненію здоровья и продленію жизни, были тогда неизвѣстны. Сообщеній съ Европою было гораздо менѣе, нежели въ настоящее время. Путешествіе вокругъ мыса Доброй Надежды, которое въ наше время бывало часто совершаемо въ 3 мѣсяца, оканчивалось тогда весьма рѣдко въ 6, а иногда длилось болѣе года. Вслѣдствіе этого, тогдашній англо-индіецъ былъ гораздо болѣе чуждъ своей родинѣ, гораздо болѣе преданъ восточнымъ привычкамъ и гораздо менѣе способенъ, вернувшись въ Европу, вновь вступить въ ея общество, нежели англо-индіецъ настоящаго времени.

Внутри форта и въ его округѣ губернаторы-англичане пользовались, съ разрѣшенія туземныхъ правителей, обширною властью, равною той, какую каждый значительный индійскій землевладѣлецъ имѣлъ въ своихъ помѣстьяхъ; но ни одинъ изъ губернаторовъ не мечталъ о независимости. Окрестною страню управлялъ карнатикскій набобъ, намѣстникъ вице-короля деканскаго, обыкновенно называемаго низамомъ, который, въ свою очередь, былъ только намѣстникомъ могущественнаго государя, извѣстнаго нашимъ предкамъ подъ именемъ великаго могола. Имена эти, нѣкогда столь священные и грозныя, сохранились до настоящаго времени. До сихъ поръ есть набобъ Карнатика, живущій пенсією, выдавасмой ему компанією изъ доходовъ страны, которая нѣкогда управлялась его предками. Есть и низамъ, столица котораго содержится въ страхѣ лагеремъ англійскихъ войскъ; англійскій резидентъ даетъ низаму, подъ именемъ совѣтовъ, приказанія, ослушаться которыхъ нельзя. Существуетъ и великій моголь, которому позволено забавляться представленіями ко двору и принятіемъ прошеній, но который обладаетъ меньшею властью оказать помощь или повредить, чѣмъ младшій изъ гражданскихъ чиновниковъ компаніи.

Путешествіе Клайва продолжалось необыкновенно долго даже

и для того времени; корабль, на которомъ онъ плылъ, останавливался на нѣсколько мѣсяцевъ въ Бразиліи, гдѣ молодой искатель приключеній пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ португальскомъ языкѣ и издержалъ всѣ свои карманныя деньги. Онъ прибылъ въ Индію болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ отъѣзда изъ Англіи. Положеніе его въ Мадрасѣ было самое тяжелое: деньги были истрачены, а жалованье было незначительное. Онъ вошелъ въ долги, жилъ въ скверной квартирѣ, что составляетъ не малое бѣдствіе въ климатѣ, который можетъ быть сноснымъ для европейца только при помощи обширной и хорошо расположенной квартиры. Клайвъ имѣлъ рекомендательныя письма къ одному господину, который могъ бы оказать ему помощь; но по прибытіи въ фортъ Ст. Джоржъ, Клайвъ узналъ, что это лицо отправилось въ Англію. Необщительный и гордый нравъ не позволилъ ему завести знакомства, и нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени прибытія Клайва въ Индію, прежде нежели онъ познакомился хотя съ однимъ семействомъ. Климатъ вредно подѣйствовалъ на его здоровье и расположеніе духа. Обязанности Клайва мало соотвѣтствовали его смѣлому и пылкому нраву. Онъ тосковалъ по родинѣ, и въ письмахъ къ роднымъ чувства его выражены съ большею нѣжностью и грустью, нежели какой можно было ожидать отъ своеволія его ребяческихъ лѣтъ или отъ непоколебимой суровости позднѣйшихъ. — «Съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ мою родину, писалъ онъ, я не провелъ ни одного счастливаго дня»; и въ другомъ мѣстѣ: «я долженъ признаться, что иногда мысль о дорогой родной Англіи трогаетъ меня совершенно особеннымъ образомъ.... Если-бы я былъ столь счастливъ, что посѣтилъ бы мою родину, и особенно Манчестеръ, центръ всѣхъ мопхъ мечтаній, то предомноу разомъ представало бы все, чего я могу надѣяться или желать».

Онъ нашелъ, впрочемъ, прекрасное утѣшеніе. Губернаторъ имѣлъ хорошую бібліотеку и позволилъ Клайву пользоваться ею. Молодой человекъ посвящалъ много свободнаго времени чтенію и пріобрѣлъ въ это время почти все то книжное знаніе, которымъ онъ когда-либо обладалъ. Мальчицомъ онъ былъ слыш-

комъ лѣнивъ, чтобы заняться литературой, а возмужавъ, былъ скоро обремененъ другою работою.

Но ни климатъ, ни бѣдность, ни занятія, ни тоска изгнанника по родинѣ не могли смирить отчаянную смѣлость его нрава. Относительно своихъ начальниковъ онъ велъ себя точно такъ же, какъ нѣкогда относительно своихъ наставниковъ, и нѣсколько разъ подвергался опасности потерять мѣсто. Живя въ зданіи, предназначенномъ для писцовъ, онъ два раза пытался лишить себя жизни, и оба раза пистолетъ, направленный въ его голову, осѣклся. Этотъ случай произвелъ на Клайва, какъ рассказываютъ, то же впечатлѣніе, какое произвело подобное же спасеніе отъ смерти на Валленштейна; убѣдившись, что пистолетъ былъ хорошо заряженъ, Клайвъ воскликнулъ, что, конечно, онъ предназначенъ для чего-нибудь великаго.

Въ это время одно происшествіе, которое, какъ казалось съ перваго взгляда, должно было разрушить всѣ его надежды, открыло передъ нимъ новый путь къ отличію. Европу уже нѣсколько лѣтъ раздирала война за австрійское наслѣдство. Георгъ II былъ вѣрнымъ союзникомъ Маріи Терезіи. Бурбоны держались противной стороны. Хотя Англія была и тогда первою морскою державою, но она не обладала еще, какъ впоследствии, превосходствомъ надъ совокупными морскими силами всѣхъ народовъ міра, и ей было трудно бороться съ соединенными флотами Франціи и Испаніи. Въ восточныхъ моряхъ Франція одержала верхъ. Лабурдонне, губернаторъ острова Маврікія, человекъ высокихъ способностей и нравственности, предпринялъ экспедицію на континентъ Индіи; несмотря на сопротивление англійскаго флота, онъ сдѣлалъ высадку, собралъ армію, явился передъ Мадрасомъ и принудилъ городъ и фортъ сдаться на капитуляцію. Ключи были выданы; французское знамя выставлено на фортѣ Ст. Джоржъ, и все, что находилось въ магазинахъ компаніи, захвачено, въ видѣ военной добычи, побѣдителями. Условіями капитуляціи было опредѣлено, что англичане, жители города, будутъ считаться военноплѣнными на-слово и что городъ останется въ рукахъ французовъ до выкупа. Лабурдонне

далъ честное слово, что выкупная сумма, которую потребуютъ, будетъ умѣренна.

Но успѣхи Лавурдонне возбуждали зависть его соотечественника Дюпле, губернатора Пондишери. Сверхъ того, Дюпле обдумывалъ уже гигантскіе замыслы, съ которыми отдача Мадраса англичанамъ была совершенно несовмѣстна. Онъ объявилъ, что Лавурдонне зашелъ за предѣлы своей власти, что завоеванія, сдѣланныя французскимъ оружіемъ на континентѣ Индіи, находятся въ распоряженіи одного только губернатора Пондишери и что Мадрасъ долженъ быть скрытъ до основанія. Лавурдонне былъ принужденъ уступить. Гибъвъ, возбужденный въ англичанахъ нарушеніемъ капитуляціи, былъ еще увеличенъ невеликодушнымъ обращеніемъ Дюпле съ главными должностными лицами компаніи. Губернаторъ и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ жителей форта Ст. Джоржъ были подъ стражею доставлены въ Пондишери и проведены, въ триумфальной процессіи, черезъ весь городъ, передъ 50,000 зрителей. Основательно было думать, что столь грубое нарушеніе общественнаго довѣрія освобождало жителей Мадраса отъ обязательства, даннаго Лавурдонне. Клайвъ, ночью, въ одеждѣ мусульманина, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ фортѣ Ст. Давидъ, одномъ изъ малыхъ англійскихъ поселеній, подчиненныхъ Мадрасу.

Обстоятельства, въ которыя онъ былъ теперь поставленъ, естественнымъ образомъ повели его къ избранію занятія болѣе соотвѣтствовавшаго его безпокойному и смѣлому нраву, нежели досмотръ товаровъ и веденіе счетовъ. Онъ просилъ и получилъ званіе прапорщика въ службѣ компаніи и на двадцать второмъ году вступилъ на военное поприще. Личная храбрость, которую онъ выказалъ, бывши еще писцомъ, отчаяннымъ поединкомъ съ однимъ воспнымъ сорванцомъ, нагнавшимъ ужасъ на жителей форта Ст. Давида, быстро дала ему видное мѣсто между сотнями храбрецовъ. На новомъ поприщѣ онъ скоро проявилъ качества, которыя до того времени не были въ немъ замѣтны: разсудительность, проникательность и уваженіе къ законной власти; онъ отличился во многихъ экспедиціяхъ противъ французовъ и привлекъ на себя особенное вниманіе майора Лоренса,

почитавшагося тогда способнѣйшимъ изъ англійскихъ офицеровъ въ Индіи.

Клайвъ успѣлъ пробыть въ арміи только нѣсколько мѣсяцевъ, когда пришло извѣстіе о заключеніи мира между Англіею и Франціею. Дюпле былъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ возвратити Мадрасъ англійской компаніи, и молодой прапорщикъ могъ приняться за свои прежнія занятія. Онъ, дѣйствительно, на короткое время вернулся къ конторскимъ дѣламъ, но долженъ былъ опять оставить ихъ, чтобы помочь маіору Лоуенсу въ мелкихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ туземцевъ, и потомъ снова вернулся въ контору. Пока онъ колебался такимъ образомъ между военнымъ и коммерческимъ поприщами, обстоятельства рѣшили его выборъ. Политическія дѣла Индіи приняли новый видъ. Правительства Англии и Франціи были въ мирѣ; но между англійской и французской торговыми компаніями на Востокъ возгорѣлась полная событій и важная по послѣдствіямъ война, призомъ которой было великолѣпное наслѣдіе дома Тамерлана.

Имперія, основанная Баберомъ ⁽⁵⁾ и его моголами въ XVI-мъ столѣтіи, была долго одною изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ въ мірѣ. Нигдѣ въ Европѣ не было такого огромнаго народонаселенія, подвластнаго одному монарху, и такихъ огромныхъ поступавшихъ въ казну доходовъ. Красота и великолѣпіе зданій, воздвигнутыхъ властителями Индустана, удивляли даже путешественниковъ, видѣвшихъ соборъ св. Петра. Безчисленныя свиты и роскошныя украшенія, окружавшія дельійскій престолъ, ослѣпляли даже глазъ, привыкшій къ великолѣпію Версаля. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ вице-королей, управлявшихъ именемъ великаго могола, властвовали надъ столькими же подданными, какъ король французскій или императоръ германскій. Даже намѣстники этихъ намѣстниковъ могли бы соперничать, въ обширности владѣній и количествѣ дохода, съ великимъ герцогомъ тосканскимъ или курфирстомъ саксонскимъ.

(5) Бейъ Омаръ Шейхъ (Султанъ Сегиръ Эдинъ Магометь Баберъ или Бабуръ) былъ потомокъ Тамерлана, основатель имперіи великаго могола и родоначальникъ Бабуридовъ (1483—1530).